

в утверждении *Это ясно, как дважды два — четыре* используется факт знания таблицы умножения в ее самой простой части); д) использование специальных грамматических средств, например, придаточных относительных нелимитативных (ср. *Люди, у которых нет крыльев, в наше время летают выше птиц*, где придаточное не ограничивает множество людей, о которых сообщается нечто, а лишь напоминает адресату его знание) — о функциях таких придаточных [см. 29].

В указанных случаях информационный аспект выдвигается на передний план («выдвижение» здесь аналогично явлениям, рассматриваемым в статье М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрика в этом номере журнала). Выдвижение это сопровождается и той параметризацией адресата, о которой говорится в статье Н. Д. Арутюновой (в том же номере журнала). На различии информационного и сопровождающего аспектов покоятся и противопоставление смысла и значения у Г. Фреге (дополнительные свойства референции и значения определяются спецификой акта названия). Соотносится оно и с разграничением энциклопедической и чисто семантической информации [см., например, 30], а также с противопоставлением конврсационных (выявляемых из разговора, т. е. информационных) и конвенциональных (т. е. семантических) «имплицатур» у П. Грайса (см. статью Т. В. Булыгиной в этом номере). По этой же линии различаются презумпция знания, проявляющаяся в предложениях как прагматическая пресуппозиция (т. е. то, что связано в конечном счете со знанием реальности), и презумпция правильного употребления языковых единиц (проявляется как семантическая пресуппозиция в логической интерпретации предложений). Презумпция знания включает в себя, в частности, и «презумпцию соблюдения презумпций» [см. 31].

Информационный запас человека, т. е. багаж знаний, более индивидуален и менее устойчив, чем семантический. Усвоение семантического, или сопровождающего, запаса связано с узнаванием новых единиц языка и правил интерпретации при обязательном при этом включении новых знаний в арсенал выразительных средств человека. Осознанные семантические знания входят в информационный компонент (так, их вводят в оборот при игре слов, когда кого-либо ловят на слове; они же лежат в основе поэзии).

Информационный запас принято моделировать в логических терминах. Любое новое суждение (вместе со всеми логическими его следствиями) расширяет этот запас, представляющий собой аналог «модельного множества» Я. Хинтикки [см. 32]. Семантический запас при этом расширяется только тогда, когда суждение в форме речевого высказывания приводит к усвоению новых средств выражения или новых способов интерпретации уже известных средств (например, явное определение вводимой терминологии — это одновременное расширение как информационного, так и семантического запаса).

Информационный запас в узком смысле, или базовый информационный запас, — это набор только «невыводимых» знаний, т. е. тех, которые друг от друга не зависят и из которых логически выводимы все реальные знания. Базовый запас постоянно расширяется: иначе мы понимали бы только те высказывания, которые нам уже известны или истинность которых из наших знаний выводима с оценкой «верно» или «неверно». Владение грамматикой языка еще не предполагает владения всеми теми знаниями, которые на этом языке могут быть выражены.

Закономерности внешнего мира являются принадлежностью информационного запаса (иногда — базового): они представляют собой те «единицы хранения», которые могут участвовать в интерпретации. Однако собственно правилами прагматической интерпретации такие законы не обязаны являться: прагматика только соотносит, но не всегда включает в себя отдельные части информационного запаса; такое соотнесение может,